

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ТУМАНИК

**«ОБРАЗ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ ВЕДУТ В АРМИИ»:
ДЕКАБРИСТ А.Н. МУРАВЬЕВ В 1812 г.**канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

В статье на примере военной биографии декабриста А.Н. Муравьева освещается повседневная жизнь Русской армии в 1812 г., показано, какую роль сыграл повседневный опыт войны в процессе нравственного формирования личности будущего основателя первых тайных политических обществ в России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., декабристы, повседневная жизнь, русская армия.

Отечественная война 1812 г. явилась определяющим, главным событием в судьбах людей той эпохи – и не будет большим преувеличением принять это утверждение за своего рода аксиому. Конечно же, это относится и к декабристам; и давно уже хрестоматийными стали знаменитые слова М.И. Муравьева-Апостола: «Мы были дети 1812 года...» В 1857 г., как бы перекликаясь со своим другом, соратником по тайному обществу и по оружию, декабрист Александр Николаевич Муравьев, в то время нижегородский губернатор, написал брату Н.Н. Муравьеву-Карскому: «Скажу как и ты: ведь мы порождение 1812 года!» [1, с. 345]. Что же стояло за этими словами? Вся последующая жизнь этих людей и их вклад в историю России – 1812-й год стал для них категорией мышления и мировосприятия, точкой опоры, шкалой нравственных ценностей и приоритетов.

Очень важно акцентировать внимание на том, в каких условиях сформировались характеры будущих декабристов. Безусловно, уже много раз доказано идеологическое влияние войны на судьбы «первенцев свободы», но нужно иметь в виду и то, что А.Н. Муравьев, со свойственной ему точностью взгляда, называл «образом жизни, который ведут в армии». Подчеркнем – в действующей русской армии образца 1812 г. Именно постижение этого феномена поможет нам объяснить, в частности, почему декабристы – представители аристократии – вынесли нечеловеческие условия содержания в Петропавловской крепости, в том числе и моральные, дорогу в Сибирь и сибирские тюрьмы, сохранив в этих тяжелейших испытаниях не только человеческое достоинство, твердость духа, но и убеждения. И, главное, почему они не испугались ни следствия, ни тюрьмы, ни заточения; почему, по большому счету, их не удалось сломить. Объяснение простое – позади был 1812-й год – человеку, прошедшему такое испытание в самой ранней молодости, наверное, было по плечу абсолютно все... Но о феномене героев 1812 г., как это ни парадоксально, лучше всего сказал не историк, а поэтесса М. Цветаева: «...Вам все вершины были малы И мягок – самый черствый хлеб...»

И здесь мы переходим к пока малоизученному и новому аспекту темы, о котором не было принято говорить ранее – о суровой военной повседневности; именно в ней выковывалось мужество героев эпохи, умение преодолевать тяжкие лишения и презирать смерть. Повседневная жизнь русского офицера в 1812 г. в последнее время стала объектом внимания в нашей историографии [2]. Взглянем же на эту тему в частном ракурсе, что поможет обогатить общие представления о данном явлении – на примере военной биографии декабриста А.Н. Муравьева – основателя первых тайных политических обществ в России, Союза спасения и Союза благоденствия.

Казалось бы, основным источником для нашей темы должны были бы стать военные воспоминания самого А.Н. Муравьева, но его «Записки» дают мало информации о военной повседневности и ее личном восприятии. Нельзя сказать, что она оказалась совершенно стертой из памяти автора, писавшего свои мемуары на склоне дней; яркие упоминания об этом сохранились, она оставалась по-прежнему значимой в разряде суровейшего жизненного опыта, не померкнувшего даже несмотря на последующие испытания судьбы. Но момент личного участия и сострадания собственным переживаниям молодости сменяется у А.Н. Муравьева воспитательным контекстом, адресованным, конечно же, молодым современникам.

Таким образом, описание своих горьких впечатлений, лишений и тягостей военного быта, граничащих тогда с ужасом, переходит в разряд почти обыденных нравоучений. Но, надо признать, не совсем; хотя личное и уходит на второй план, его с лихвой замещает образная и очень сильная передача апокалиптического характера войны 1812 г. – именно такой отложилась она в памяти декабриста, эти емкие характеристики усиливаются с помощью повествовательного приема рефрена – А.Н. Муравьев практически в одном месте дважды, с нарастающей силой описывает все те страдания, которые пережил народ во время французского нашествия [1, с. 123, 125]. И становится ясным, что полно рассказать об «образе жизни, который ведут в

армии», могут помочь только «горячие источники», созданные по свежим следам событий – дневники и письма. К счастью, существуют информативнейшие «Записки» Н.Н. Муравьева-Карского, написанные на основе поденных записей 1812 г., где, само собой, много говорится и о старшем брате мемуариста – Александре [3]. Именно они дают наиболее объективную картину военной повседневности 1812 г., какой она была для А.Н. Муравьева. Н.Н. Муравьев-Карский являлся непосредственным действующим лицом и очевидцем тех событий, он прошел многие этапы войны рядом со своим старшим братом и нередко отдавал должное его мужеству и стойкости в тех условиях, хотя и от него самого требовалось то же самое... [4] Сохранилось, кроме того, несколько писем самого декабриста к супругам Бакуниным, написанных как раз по свежим впечатлениям военных действий. Более объективно и живо, хотя и кратко, военный быт охарактеризован А.Н. Муравьевым как раз в этих посланиях. Но здесь стоит учитывать особый момент – как человек мужественный и сильный духом, Муравьев никогда не стал бы описывать все бедствия и ужасы, которые испытал и свидетелем которых был. Подчеркнем несколько «бравый» тон его писем – и это выглядит вполне естественным, что, кстати, прямым образом свидетельствует о твердом характере тогда еще молодого человека. Несколько забегаю вперед, отметим, что, по свидетельству Н.Н. Муравьева-Карского, А.Н. Муравьев действительно с небывалой стойкостью переносил тяжелейшие военные будни. Нельзя не признать, что подобный расклад источников достаточно удачен – личные, пусть подверженные некоторой аберрации памяти, воспоминания участника событий, накладываясь на его «свежие» эпистолярные свидетельства и дополняются мемуарами третьего лица, составленными на базе дневников.

Итак, «Записки» А.Н. Муравьева доносят до нас картину военного «образа жизни», но назвать ее живой достаточно сложно. Тем не менее, примем ее за основу – она достаточно образна и информативна, хотя и выглядит уже во многом как «каноническое» описание. Прежде всего, обратим внимание на то, что всю войну до Таругина А.Н. Муравьев провел в арьергарде, а наступательную кампанию – в авангарде, исполняя, как офицер Генерального штаба, свои непосредственные квартирмейстерские обязанности (Бакуниным он написал, что «служил начальником штаба в разных отрядах»), а также используя любую возможность для участия в сражениях в рядах тех войск, к которым был прикомандирован, преимущественно в кавалерийских атаках [1, с. 163; 5, с. 115]. При этом его единственным оружием «во всю войну», вероятно, по принципиальным соображениям, была только одна сабля, которую он, по его собственным словам, «ловко владел» [1, с. 109]. Один из подобных эпизодов обычного арьергардного «дела» можно восстановить по воспоминаниям Н.Н. Муравьева-Карского – вечер сражения при Чирикове 17 сентября 1812 г., где командовали гр. М.А. Милорадович и гр. В.В. Орлов-Денисов. Ярко, образно, просто и реалистично описывает он это событие – поводом для штурма послужила вновь прибывшая французская батарея, которая «поливала» картечью ряды русских войск: «...Милорадовича тут уже давно не было, граф Орлов был пьян.

“За мной!” – закричал он, подернув усом. За ним было человек шесть лейб-казацких ординарцев, брат и я; мы пустились с обнаженными саблями за Орловым. Французские фланкеры испугались и бежали; мы их несколько преследовали... и вернулись, не потеряв никого. ...Орлов ...послал сделать рекогносцировку неприятельских вешетов¹» [6, с. 361]. Совершенно будничным рассказ об очередной стычке с неприятелем сменяется у мемуариста таким же будничным повествованием о бытовых условиях, в которых существовали офицеры на войне: «По возвращении мы легли в грязь подле огня, привязав лошадей к шарфу. Дождь шел всю ночь. Французы изредка пускали ядра по нашему огню; но мы так утомились, что, несмотря на это, уснули» [6, с. 361].

Из воспоминаний самого А.Н. Муравьева мы узнаем, что ему (немаловажная деталь!) в первые же дни войны пришлось сразу же научиться обходиться без слуги, который следовал в общем обозе и не всегда успевал за действующей армией, – это касалось ухода за лошадьми и продовольствия [1, с. 93]. Второе важнейшее обстоятельство – из-за бедности и Александр Муравьев, и его братья Николай и Михаил могли рассчитывать только на свое «скудное жалование», и бедствовали вдвойне из-за голода, нехватки теплой одежды и вообще постоянной нужды «во всем». Им становилось несколько легче только тогда, когда они собирались вместе, благодаря соединению отрядов, в которых служили и вели общее хозяйство офицерской артелью [1, с. 96, 105]. Их бедственное положение многократно и драматично отражено в «Записках» Н.Н. Муравьева-Карского. Служба в арьергарде была чрезвычайно сложной во многих отношениях – постоянные стычки с передовыми частями французских войск; необходимость удерживать их такими локальными сражениями наслаивалась на объективные трудности почти полного отсутствия провианта и фуража вследствие того, что отряды двигались «по следам» всей отступающей армии, когда «не оставалось даже соломы для биваков и дров для разведения огня» [1, с. 106]. Вспоминая отступление из-под Вязьмы, А.Н. Муравьев отмечал, что, по его мнению, тогда ему было особенно трудно, и он «более многих страдал от голода, потому что не имел денег для покупки кое у кого и где только мог сухаря». Один эпизод особенно запомнился Муравьеву на всю жизнь: «Мне случалось однажды два дня оставаться совершенно без всякой пищи, с услаждением насытился кусочком свиного жира, который один казак достал из-под потника своего коня. Кусок этот был покрыт лошадиной шерстью» [1, с. 106]. И здесь, годы спустя при описании пережитого, тех незабываемых страданий, которые, как чувствуется, все еще были живы для декабриста, он переходит к

¹ Вешеты – ближайший к неприятелю конный караул, цепь часовых.

нравоучительному моменту и обращает к нему все свое дальнейшее повествование:

Тут я на опыте узнал, какой вред наносит молодому воину прихотливость и гадливость, к которым теперь приучаются юноши. Не в свое время умыться, утереться полотенцем, не совсем чистым, не часто переменять белье, разрывать мясную пищу и есть руками, пить из невзрачной кружки или посуды, не лишенной дурного запаха, ложиться, не раздеваясь, и спать на сырости или в грязи, под дождем или в курной избе, наполненной тараканами и другими гадами, и тому подобные обыденные необходимости отталкивают их от службы и исполнения своих обязанностей или делают их неспособными для пользы, которая от них ожидается, потому что они приучены к так называемому комфорту и изнежены своим воображением и привычками [1, с. 106–107].

И в этом ярко чувствуется сильная и привлекательная черта личности А.Н. Муравьева – он не стал бы писать обо всем вышесказанном, чтобы просто рассказать, какие лишения довелось испытать в молодости, он не видел в этом смысла и просто умолчал бы о своих тяжелых воспоминаниях, если бы не ставил перед собой цели сделать из всего пережитого когда-то урок для молодого поколения, которое благодаря таким реляциям памяти о военной повседневности – неизбежного фона боевых подвигов, должно было перенять опыт мужества героев 1812 г. В последних словах заключена мораль людей того поколения и декабристов в том числе – именно «обыденные необходимости», умение стойко преодолевать их так же важны, как и более высокие материи, движущие людьми. А.Н. Муравьев сознательно делает вывод, что именно тяжкая повседневность, неумение бороться с ней, способны оттолкнуть слабых духом от боевых подвигов, служения Отечеству и общественной пользе.

Но тем не менее, запечатлев в своей памяти все эти тяготы, даже годы спустя А.Н. Муравьев сохранил свое главное впечатление от тех дней:

...Я считал себя счастливым, что уже всякий день при отступлении находился пред неприятелем и во всех с ним стычках и сражениях, что продолжалось до того времени, как я занемог и должен был оставить армию в конце ноября... <...> Я же со своей стороны, забывая все неудобства, радовался близости моей к неприятелю, которого ежечасно видел пред собою, и горе мое о претерпеваемых недостатках тем рассеивалось [1, с. 106 – 107].

Хотя мы и можем отметить, что фронтовые лишения 1812 г. оставили след даже в душе этого необычайно стойкого и мужественного человека, подчеркнем все же его высказывание о «горе» (!), «о претерпеваемых недостатках». Итак, «горе» и «счастье» рядом; горе – тяжелейший военный быт, и счастье – сражаться, защищать Отечество. И в этих условиях счастье всегда превалировало над горем, отодвигая его на второй план; важно, что впоследствии это ощущение, ставшее чертой мировоззрения, сохранилось и всегда проецировалось А.Н. Муравьевым на текущие события – мелочное, повседневное, каким бы тяжелым оно не было, никогда не заслоняло для него главной цели в жизни, будь то государственная служба или политическая деятельность.

В письме к В.А. и А.М. Бакуниным от 24 декабря 1812 г. А.Н. Муравьев называет причиной, заставившей его оставить армию «со слезами на глазах», контузию, полученную в сражении. Он подчеркивает при этом, что если бы не предписание врачей, то он никогда бы не сделал этого, несмотря на то, что много месяцев был уже болен лихорадкой, «которая с каждым днем все больше» его «ослабляла». Причиной тому была «утомительная» служба, а также «труды, усталость, дурная пища, скверное жилье, сырость», потом к ним, с приближением зимы, прибавился еще и «суровый климат», но при всем при этом «удовольствие презирать смерть брало верх над... болезнью» [1, с. 163]. Далее А.Н. Муравьев рассказывает о своей контузии, полученной во время кавалерийской атаки, когда его едва не убило пролетевшим ядром, и о своем отъезде в отпуск по болезни чуть ли не как о «забавном приключении», по его выражению.

Итак, мы узнаем, что после контузии он вынужден был оставить седло, не в силах продолжать атаку, но тем не менее «пешком потащился за нашей кавалерией, живо преследовавшей французов», чтобы посмотреть на успех боя. После этого он всю ночь провел на снегу у огня, так и не дождавшись своего слуги и повозки. На следующий день он с трудом добрался до главной квартиры армии, где после осмотра у врача немедленно получил предписание отправиться на лечение. Последние деньги Муравьев истратил на покупку кибитки и лошадей, которых в дороге пришлось продавать одну за другой, чтобы прокормиться [1, с. 164–165].

Но на самом деле все обстояло несколько не так, как изложено в бодром письме. В «Записках» Н.Н. Муравьева-Карского мы находим другую, более драматичную картину происшедшего. Контузия была получена Александром Муравьевым в боях под г. Красным, а за несколько дней до этого Николай Муравьев специально приехал его навестить в одно из сел, где стоял тогда отряд генерал-майора А.А. Юрковского, в котором служил будущий декабрист. Н.Н. Муравьев нашел брата в душевной избе, «полной спящим народом»: «Влево от дверей под скамьей умирал в судорогах от горячки русский драгун. Хозяйка... держала на руках грудного ребенка, которого крики, смешанные со стоном и храпением страждущих и спящих, навели уныние» [7, с. 149]. Под этой же крышей, помимо офицеров и солдат нашей армии, находилось двое раненых французов, которых А.Н. Муравьев «пригласил ночевать». Из-за тесноты Николай не мог подойти к брату, но... «драгун вскоре умер, и его вытащили на улицу», по поводу чего мемуарист только горько констатировал: «Свыклись мы в 1812 году с подобными зрелищами» [7, с. 149].

Эта смерть дала возможность получить ночлег и выслушать рассказ Александра обо всех происшествиях последнего времени, о том, что «он участвовал во всех краснинских делах ... но что он перемогал себя, потому

что был очень болен, а теперь так слаб, что принужден проситься в отпуск в Москву для излечения болезни. Ноги его... были в ужасном положении и покрыты цинготными язвами» [7, с. 149–150]. Не имея денег, чтобы поделиться ими с младшим братом, А.Н. Муравьев, нуждаясь сам, отдал ему последний кусок сукна, надеясь, что это хоть как-то облегчит положение Николая, и это действительно помогло ему – в наступившие холода он сшил себе башлык и шаровары, спасшие его от мороза. Сам же Александр, что достоверно известно из письма к Бакуниным, от суровой зимы защититься не смог. Тем не менее, чуть позже, по пути в Калугу он специально еще раз разыскал брата Николая и вручил ему... деньги, сказав, что занял их у дяди Н.А. Саблукова, хотя в свете уже изложенного мы знаем, что это были деньги от продажи лошадей. «Я же ничем не мог помочь больному брату», – сокрушался Н.Н. Муравьев [7, с. 151]. На дорожную шубу А.Н. Муравьеву средств не хватило, и весь путь тяжелобольной офицер не имел возможности даже согреться. «Грязнейший мундир составлял все мое одяние», – сообщал А.Н. Муравьев Бакуниным в том же письме от 24 декабря, и именно в таком положении он прибыл в опустошенную и разграбленную древнюю столицу [1, с. 164–165]. На этом Отечественная война 1812 г. для Александра Муравьева закончилась...

Итак, стойкость, мужество, благородство, братская помощь и взаимовыручка, пренебрежение собственной жизнью ради Отечества, что выражалось не только в ратных подвигах, но и в умении переносить все трудности военного быта, – именно эти черты выковывал 1812-й год, и именно они стали основой характеров и морального облика будущих декабристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма / Изд. подг. Ю.И. Герасимовой и С.В. Думиным. Иркутск, 1986.
2. *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь русского офицера 1812 года. М., 2008.
3. *Туманик Е.Н.* Н.Н. Муравьев-Карский и его «Записки» // Литература и документ : сб. науч. тр. / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 43–50.
4. *Туманик Е.Н.* «Воспоминания 1812 года» по запискам офицеров Генерального штаба А.Н. и Н.Н. Муравьевых // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 170–183.
5. *Туманик Е.Н.* Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006.
6. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 11.
7. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989.

*Статья поступила
в редакцию 19.05.2012*